

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ. ПОЛОСА НЕВЕЗЕНИЯ

Я лежал на тахте, уткнувшись лицом в подушку. Мои щеки пылали лихорадочным румянцем, пока длинные пальцы, сжимающие влажную ткань, медленно скользили по обнаженной спине. Тот удушливый огонь, что пожирал мои нервы, всё ещё бушевал внутри, но ледяное прикосновение его рук и живительная влага полотенца заставляли пламя немного поухнуть.

— М-м... — когда он замер у моей левой лопатки, я невольно вздрогнула.

Зажмурившись, я дождалась, пока пройдет судорога. На лбу выступили свежие капли пота.

— Всё ещё больно? — голос Люй Цэчжи звучал глухо и мягко.

Он склонился надо мной. В его взгляде, обычно холодном и отстраненном, сейчас читалась глубокая тревога.

— Терпимо, — процедил я сквозь зубы, безбожно врав.

Терпимо? Как бы не так! Казалось, меня охаживают раскаленным железным прутом. Кожу жгло так, что я не мог шевельнуть и пальцем. По-хорошему, мне бы сейчас закатить истерику, припомнить ему все обиды и рыдать в три ручья, но, встретив этот искренний взгляд, я не решился на очередную выходку. Отворотившись, я втайне злился на собственную мягкотелость. Проклятье, кажется, рана разболелась ещё сильнее!

— Попробуй уснуть, — он осторожно убрал прилипшую к моей шее прядь волос.

Стиснув зубы, я переждал очередной приступ боли. В голове, словно в тумане, всплывали картины недавней схватки.

Говорят, в мире боевых искусств нет вечных победителей. Грань между триумфом и поражением порой так призрачна, что её невозможно предугадать.

«Если долго ходить по ночным дорогам, рано или поздно встретишь призрака»

Эта поговорка — не пустой звук, в чем я убедился на собственной шкуре. Теперь я готов подтвердить именем молодого главы Общества Парящего Дракона: эти слова чертовски точны.

Всего четыре часа назад мы с легкостью раскидали пятую волну каких-то фанатиков. Но стоило нам, преисполнившись гордости, двинуться к заветной цели, как на пути встал самый опасный противник за всю мою недолгую и сомнительную карьеру в цзянху. Восемь безмолвных теней в черном. Их рты были заперты надежнее, чем створки речных жемчужниц.

Едва они появились, я кожей почувствовал: это конец. По одной только их ледяной ауре стало ясно — на этот раз меня разделают под орех. В мыслях я уже заключил контракт с самим Яньло, смиренно вписав своё славное имя в списки безвременно почивших. Уж лучше так, чем стать безмянным духом, которому и переродиться-то не светит.

Интуиция не подвела. Это были не просто бойцы, а настоящие жнецы, явившиеся за нашими душами.

Они не стали тратить время на пустые разговоры. Едва опознав нас, незнакомцы обнажили клинки и бросились в атаку с одной-единственной целью — убивать.

Люй Цэчжи принял на себя удар четверых, братья Ши ввязались в схватку с троими, а последний — тот, что остался не у дел — мертвой хваткой вцепился в меня, решив, очевидно, что я самое слабое звено. И началось...

Признаться, порой я до чертиков завидую мастерству Люй Цэчжи и его спутников. Когда этот убийца обрушил на меня град ударов, я едва успевал уклоняться. С первого же выпада стало ясно: мне с ним не тягаться. В душе росла трагическая решимость предстать перед предками. В этом поединке не было интриги — меня ждала либо смерть, либо тяжелое увечье. И ни один из вариантов меня, честно говоря, не прельщал.

Всего один противник, а я уже метался, словно загнанный зверь. Ума не приложу, как Цэчжи умудрялся сдерживать сразу четверых мастеров?

Глядя на то, как лихо управляются ребята из клана Люй со своими визави, я понял: подмоги ждать не стоит. Силы таяли, возможности для контратаки не предвиделось, а о побеге нечего было и мечтать.

«Ну всё, отбегалась...»

Мелькнула шальная мысль: а что, если бросить оружие и сдаться? Но насмешливый взгляд врага мигом развеял эти иллюзии. Этот человек пришел не за пленниками. Он пришел за кровью.

— Вжих! — мой лихой наряд охотника в мгновение ока превратился в лохмотья, достойные последнего нищего.

Клинок прошел в волоске от плоти. Холодное дыхание смерти едва не лишило меня чувств. Я окончательно потерял голову, защищаясь всё более неуклюже. На теле расцветали тонкие алые полосы. Путь в загробный мир становился всё короче.

— Цэчжи!.. — выдохнул я в отчаянии, когда вражеский меч с лязгом отбил мой кинжал и устремился напрямик к сердцу.

В это мгновение перед глазами пронеслась вся моя «героическая» неделя. Каждая победа, каждый удачный бой — какими жалкими и фальшивыми они казались теперь! Я-то, наивный, полагал, что моего умения хватит, чтобы выжить в этом безумном мире. Как же я ошибался! Пропасть между настоящим мастером и рядовым бойцом не измерить простыми числами. Умереть от руки профессионала — участь, может, и почетная, но бесконечно печальная.

Прощай, этот странный и непонятный мир...

Глухой удар ладонью о плоть заставил меня вздрогнуть. Я увидел сцену, от которой впору было разрыдаться: Люй Цэчжи, отбив два клинка, подставился под удар остальных двоих ради того, чтобы выиграть мгновение.словно белый призрак, он скользнул ко мне. Мощным ударом он отбросил моего несостоявшегося палача, а затем, пошатнувшись, отступил на три шага. Его лицо стало мертвенно-бледным, а по его губам стекла струйка крови.

«Живая! Я всё ещё жива!..»

В книгах это называют «тяжелым внутренним ранением» Он пожертвовал собой ради моей ничемной жизни. Чем я заслужила такую преданность?

— Цэчжи! — в ту секунду моё сердце словно пронзили иглой.

Боль была такой острой, что я на миг забыл, как дышать. Я бросился к нему, подхватила его ослабевшее тело. Хотелось плакать, но слез не было. Я просто понял: теперь я не смогу от него уйти. Все мысли о «свободе» и «самостоятельном пути» рассыпались в прах. У меня больше не было на это права.

Даже если впереди ждет гибель, мы встретим её вместе.

Впрочем, Люй Цэчжи не дал мне времени на лирические излияния. Он помрачнел и без церемоний оттолкнул меня:

— В тыл! Прикрой!

С этими словами он, окутанный золотистым сиянием меча, бросился на помощь братьям Ши, которых уже теснили освободившиеся убийцы. Его вмешательство спасло ситуацию, когда весы судьбы уже склонялись не в нашу пользу.

Прикрыть? С моим-то мастерством?

Я обернулась к тому парню, которого вырубил Цэчжи. Не раздумывая, я вонзила нож ему в загривок. Воздух огласил истошный вопль.

«Прости, дружок! Если повезет, отделаешься параличом!»

Я пнул обмякшее тело, чувствуя, как внутри закипает холодная ярость. Какая уж тут милосердность? Давным-давно пора было усвоить: доброта к врагу — это жестокость к самому себе. Каждый добитый противник — это лишний шанс выжить для нас.

Когда угроза с тыла была устранена, я увидела, на что по-настоящему способен Люй Цэчжи. В вихре сверкающей стали его белые одежды мелькали так быстро, что он казался лишь призрачным маревом. Он буквально загнал убийц в угол, отсекая им путь к отступлению.

Что это было? Желание закончить всё быстрее из-за раны или осознание того, что моей жизни больше ничего не угрожает?

Чаша весов склонилась в нашу сторону. Братья Ши перешли в контратаку. В глазах семерых нападавших заплескался тот самый ледяной ужас, который я видела слишком часто за последние дни. Я отвернулась. На этот раз я не стала просить Цэчжи о пощаде.

«Дзинь! Дзинь! Хрясь!» — три коротких, чистых удара металла о металл, перемежающихся предсмертными хрипами.

Я опустил взгляд. Мой верный кинжал по самую рукоять ушел в мягкую землю. Я почувствовал невыносимую боль в плече. Да уж, помощник из меня аховый — даже толком прикрыть не смог, умудрившись поймать скрытое оружие от подыхающего врага.

Их было три. Одну я успел отбить, вторая выбила у меня нож, а третья, коварно вильнув в воздухе, вонзилась прямо под лопатку. Если бы я не дернулся в последний момент, она бы вошла точно в сердце.

У меня не хватило духу картинно выдернуть железяку из раны, чтобы показать всем свою недюжинную отвагу. В голове крутилась только одна пугающая мысль: лишь бы на этой штуке не было ржавчины. В этом мире, где медицина находится в зачаточном состоянии, столбняк — это смертный приговор.

Больно... Как же больно...

— Те люди... они были из Зала Возвращающихся Диких Гусей, — Люй Цэчжи заговорил лишь тогда, когда мы добрались до этой фермерской лачуги.

Хозяева любезно уступили нам постель. Цэчжи, пренебрегая собственными ранами, первым делом бросился обрабатывать моё плечо. И вот теперь, решив, видимо, что я достаточно пришла в себя, он открыл правду.

Я онемел. Потребовалось время, чтобы осознать услышанное. Холодный пот выступил на лбу.

— Из Зала Возвращающихся Диких Гусей? Убийцы первой величины? — голос мой дрогнул. — Невероятно... Мы схлестнулись с элитой и остались живы?

Мне стало по-настоящему страшно. Новая волна боли, вызванная моим волнением, заставила меня малодушно застонать:

— Ой-ой-ой... как же больно!

— Да, это они. Наши перемещения больше не тайна, так что их появление было лишь вопросом времени, — спокойно произнес Цэчжи, словно выливая на меня ушат ледяной воды.

Боги, обязательно ли быть таким прямолинейным? Можно я просто притворюсь, что упала в обморок в знак протеста?

— И почему ты не сказал мне об этом раньше? — я чуть не плакал от обиды. — Почему нужно было ждать, пока я едва не отправлюсь на тот свет? К чему была вся эта недосказанность? Мои терзания и чувство собственной никчемности... всё это было зря? Знай я заранее, мне бы хоть не так обидно было проигрывать!

Ведь я всерьез думала, что безнадежна. А оказывается, я выстояла против лучших! Моё уязвленное самолюбие начало понемногу исцеляться. Хотя я так и не поняла — гордиться мне этим или проклинать свою везучесть. Вечно со мной случаются какие-то «сюрпризы»!

— Если бы я сказал тебе сразу, ты бы и десяти ходов не продержалась, — отозвался он. Его голос был ровным, но в нем слышалось знание моей натуры.

— Твоя правда, — понуро согласился я.

Если бы я знал, что за нами пришли самые безжалостные мясники в Поднебесной, у меня бы поджилки затряслись ещё до начала боя. Сдался бы без боя, а то и вовсе — вскочил бы на свою пятнистую лошадь и поминай как звали. Позор-то какой! Как бы я потом братьям Ши в глаза смотрел? А так... ну, проиграл, зато как героически! Почти подвиг.

Пожалуй, неведение — лучший способ сохранить и жизнь, и лицо.

— Ладно, отдыхай, — Цэчжи заговорил с трудом.

Хрипота выдавала его состояние — внутренние раны начали брать своё.

«Ну уж нет! Глядя на то, как он пострадал, спасая мою шкуру, разве могу я спокойно дрыхнуть?! Не такой уж я и бесчувственный!»

Я покосилась на него и решительно подвинулась, освобождая место на узкой тахте:

— Ты ранен не меньше моего. Ложись. Будем ютиться вместе, не спорь.

...

<http://bllate.org/book/17512/1657541>